

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОЙНЫ РЕБЕНКОМ-НАРРАТОРОМ В РОМАНЕ А. КУРУМЫ «АЛЛАХ НЕ ОБЯЗАН»

С. В. Дасько

Белорусский государственный университет, г. Минск;

sndhk88@gmail.com;

науч. рук. – Е. А. Борисеева, канд. фил. наук, доц.

В докладе показано, что выбор в качестве фокусирующей призмы ребенка-нарратора позволяет Ахмаду Куруме по-новому посмотреть на проблему межплеменных войн, охвативших государства Западной Африки после обретения независимости. Через речь главного героя прослеживаются особенности самого героя и события, презентуемые в романе с точки зрения ребенка. Главный герой романа Бирахима представляется как мальчик, не готовый к войне, что отражается в форме повествования. Непричастность Бирахимы как нарратора позволяет сделать акцент на алогичности происходящего и способствует абсолютизации абсурда. Будучи эмоционально отстраненным, Бирахима изображает войну, где дети-солдаты идут убивать под действием наркотиков и не уступают в своей жестокости взрослым. Установлено, что немаловажную роль играет мифологическое мышление, которое приводит к использованию эвфемизмов для тех явлений, которые Бирахима не способен осознать в силу своего возраста.

Ключевые слова: ребенок-нарратор; нарратив; непричастный нарратор; постколониальный дискурс; категория Другого.

Одной из ключевых тем романа «Аллах не обязан» является тема гражданских войн в Либерии и Сьерра-Леоне. Трагическая реальность преломляется через призму восприятия Бирахимы – мальчика лет 10–12, который, отправившись из Кот-д’Ивуара в Либрию на поиски тети, попадает в эпицентр военных действий и становится ребенком-солдатом.

То, что, будучи еще совсем ребенком, Бирахима попадает на войну, где он принимает активное участие, влияет на способ подачи информации и взгляд на происходящее. Очень многое Бирахима не объясняет, он, выполняя функцию непричастного нарратора, описывает увиденное, обрамляя все это фразой «*C’est la guerre tribale qui voulait ça*» («Так полагается, когда идет межплеменная война») [1].

Для его риторики свойственна своеобразная циничность, обусловленная невозможностью осмыслить опыт чужой смерти или насилия. Говоря о смерти Сары, девочки, которая бежала вместе с другими детьми-солдатами после смерти полковника Папы Доброго на территорию, подвластную ОЛД (Объединенное либерийское движение), внимание мальчика с факта смерти переключается на неизвестные слова, которые он хочет объяснить, а также на комментарии, где Бирахима рассуждает

о том, как Сара станет пищей для различных животных, причем не просто пищей, а «роскошным пиром».

Благодаря такому приему удастся достигнуть абсолютизации абсурда. Мы видим ребенка, не подготовленного к войне не только на физическом уровне, но и на эмоциональном. При этом эмоции у Бирахимы не отсутствуют, об этом свидетельствуют его исконно африканские эмоциональные выражения «Gnamokodé!» («Ньякомоде!») и др., но внимание направлено на то, что ему понятно, акцент сделан не на смерти как утрате, а на смерти как некоем зрелище, в данном случае, пире для насекомых.

Несмотря на это, Бирахима очень часто использует слово «innocents» («невинные») в отношении жертв войны, подчеркивая, что страданиям были подвергнуты ни в чем не повинные люди. Так, представляя себя, Бирахима пишет: «Et moi j'ai tué beaucoup d'innocents au Liberia et en Sierra Leone...» [1, p. 10] («А я убил много ни в чем не повинных людей в Либерии и в Сьерра-Леоне...» [2] [Здесь и далее перевод Н. Кулиш]). Здесь мы видим Бирахиму, который все понимает. Хоть он и не может осмыслить смерть на эмоциональном уровне, он осознает, что на войне погибают невинные, и признает, что сам убивал невинных.

Межплеменные войны в Африке отличались тем, что, помимо разницы в происхождении, существовала разница языка, исповедуемой религии, это провоцировало конфликты на новых уровнях. Языковой вопрос касался не только использования языка метрополии, но и языков разных племен.

Так, Бирахима говорит: «Le gyó est la langue des nègres noirs indigène africains de là-bas, du patelin. Les Malinkés les appellent les bushmen, des sauvages, des anthropophages... Parce qu'ils ne parlent pas malinké comme nous et ne sont pas musulmans comme nous» [1, p. 59] («Гио язык местных чернокожих африканских туземцев. Малинке называют этих людей бушменами, дикарями, людоедами... Потому что они не говорят на языке малинке, потому что они не мусульмане, как мы» [2]). Здесь мы видим, как дифференциальными признаками являются не только язык, но и вера. Снова возникает проблема угнетенных и угнетателей, и теперь Бирахима обвиняет Малинке в расизме по отношению к другому племени – племени Гио.

Происходит столкновение с очередным Другим, который подчеркивает свою инаковость. Их, безусловно, объединяет общий Другой – представитель колониальных держав, однако внутри своего универсума существует эта оппозиция, где есть «Я», а есть тот «Другой», в отражении которого можно определить себя.

Особое внимание в романе уделяется проблеме использования детей-солдат – достаточно распространенному явлению для Либерии и Сьерра-Леоне времен гражданских войн. Дети-солдаты имели больше преимуществ, чем взрослые солдаты, так как они получали зарплату, еду и жилье. Зарплату многие тратили на гашиш, чтобы, по рассказам Бирахимы, стать как те самые «взрослые» солдаты.

То, как наркотики влияли на сознание детей, находит свое отражение в тексте. Так, Сара, в состоянии безумия от того, что она только «курила и жевала», выпустила всю обойму в Сорвиголову, с которым их связывали любовные взаимоотношения. Сорвиголова в порыве гнева выстрелил ей в ответ по ногам.

Еще одна девочка-солдат, которая, как все дети-солдаты, злоупотребляла гашишем, «хотела выстрелить в воздух, но она была совсем обкуренная и прошила малышей автоматной очередью» [2] («Elle a voulu tirer en l'air mais, comme elle était dans les vapeurs, elle les a bien mitraillés avec son kalachnikov» [1, p. 93]). Мы видим, как у детей под влиянием наркотиков меняется сознание, они больше не в состоянии давать отчет своим действиям, поэтому могут убивать других людей случайно, думая, что стреляют в воздух.

В этих отрывках снова на первый план выходит отчужденность нарратора, его непричастность. Это еще более актуализирует проблему детской зависимости. Бирахима в происходящем не видит ничего необычного, однако для читателя открывается ужасающая картина войны: дети, находящиеся под воздействием психотропных веществ, убивают других без всякого сожаления и не уступают в своей жестокости взрослым.

Бирахима, что, впрочем, свойственно ему на протяжении всего рассказа, отделяет себя от общей массы. Он говорит, что маленькие солдаты были зависимы от наркотиков, однако сам Бирахима не тратил все свои деньги на гашиш, как делали другие, а откладывал. Здесь Бирахима выделяется в символическом плане. Он откладывал, так как хотел привезти что-нибудь тете, когда они наконец встретятся. Бирахиму держало воспоминание, у него была цель, в то время как другие дети уже потеряли свои ориентиры.

Стиль Бирахимы отличают контрасты: он может выражаться очень просто, а может – порой возвышенно и литературно. Так, Бирахима заключает: «C'est la guerre civile qui veut ça. Les animaux traitent mieux les blessés que les hommes» [1, p. 94] («Так всегда бывает во время межплеменной войны. Звери относятся к раненым лучше, чем люди» [2]). Такая антитеза, основанная на противопоставлении животных людям, которые здесь изображены хуже, привносит пафос и отличает предыдущие фрагменты текста, с их наивностью и простотой, от данного, где ребенок-

нарратор как будто на время теряет свою детскую идентичность и начинает говорить хоть и достаточно клишированными, однако «взрослыми» фразами.

В тексте отражены особенности мировосприятия Бирахимы, для которого характерны мифологическое мышление и, как следствие, различные эвфемизмы. Бирахима, выражаясь простыми терминами, рассказывает про «сеансы расколдовывания». «Расколдовыванию» подвергались как мужчины, так и женщины. В попытке объяснить, в чем заключались «сеансы расколдовывания» для женщин, Бирахима толкует это со своей детской точки зрения, преподнося информацию так, как он это себе представляет: «On disait que pendant ces séances le colonel Papa le bon se mettait nu et les femmes aussi. Walahé!» [1, p. 70] («Говорили, будто во время этих сеансов полковник Папа был совсем голый, и женщины тоже. Валахе!» [2]).

Таким образом, изображая события войны через непричастность и отстраненность ребенка-нарратора, автору удается достигнуть абсолютизации абсурда, сделать акцент на алогичности того, что происходит на войне. Формируется своя концепция ребенка на войне – вовлеченного как актора, но дистанцированного как фокусирующей призмы. Именно обращение к фигуре ребенка позволяет обнажить глубоко античеловечный характер войны, где помимо жестокости и насилия встает вопрос о выявлении собственной идентичности и соотнесении себя с Другим, что вписывается в систему главных вопросов постколониального дискурса.

Библиографические ссылки

1. *Курума А.* Аллах не обязан // Иностранная литература – Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2002/8/allah-ne-obyazan.html> (дата обращения: 07.12.2021).
2. *Kourouma A.* Allah n'est pas obligé. Paris : Éditions du Seuil, 2002.